

но в основном и эта статья посвящена изложению содержания и знакомству с литературной историей — именно в Чехии — данного произведения.

Из упомянутых повестей особенно интересна «Повесть об Аполлонии Тирском», восходящая к греческой поэме II в. Несмотря на обширную литературу, далеко не все вопросы, связанные с произведением, разрешены. Исследователи не пришли к одному мнению относительно двух переводов повести, в своих работах они совершенно не касаются вопроса о жизни произведения на русской почве, не анализируют его с литературно-художественной стороны. Нет и текстологического анализа имеющихся списков.

Среди переводных сюжетов очень любопытны легенды о кровосмесителе. Сюда входят апокрифические сказания об Иуде предателе, легенды об Андрее Критском и «Повесть о папе Григории». Лучше других изучена последняя повесть. Ею занимались В. Н. Перетц, Н. И. Костомаров, Н. К. Гудзий и ряд других ученых. Н. К. Гудзию удалось разыскать и опубликовать ряд вариантов повести, в частности одну очень интересную ее обработку в стиле Петровской эпохи.⁵⁴ Тем не менее повесть нуждается в специальном исследовании, построенном на детальном текстологическом изучении всех имеющихся списков в сопоставлении с выше упомянутыми легендами. Требуют дополнительного изучения и история бытования повести на русской почве и у других народов, и художественная сторона произведения в его различных вариантах. Следует признать, что недостаточно изучены и сборники — «Римские деяния», «Повесть о семи мудрецах», «Великое Зерцало».

В каждом из них заключается ряд новелл, из которых любая требует и ждет самостоятельного детального исследования. Просматривая литературу о «Римских деяниях» и «Повести о семи мудрецах», мы обнаруживаем, что исследователи занимаются установлением содержания сборников в разных списках и литературной историей сборника в целом. А. Н. Пыпин кратко указывает источники отдельных сюжетов, но анализом их содержания не занимается. Подробно рассмотрена в научной литературе литературная история лишь некоторых вошедших в эти сборники повестей, главным образом тех, которые встречаются и отдельно, вне сборников, как например «Повесть об Аполлонии Тирском» или «Повесть о папе Григории». Содержание «Повести о семи мудрецах» сводится к теме о «злых женах», однако этой теме посвящены лишь те новеллы, которые рассказываются мудрецами и царевичем. Новеллы царицы посвящены другим темам, однако это не привлекало внимания ученых.

О целом ряде рассказов, вошедших в «Римские деяния», вообще нигде не сказано ни слова, рассматриваются обычно наиболее известные повести, но опять-таки с точки зрения их литературной истории, а не со стороны их литературной ценности и художественных достоинств.

Одной из последних работ, где ее автор обращается к переводной повести, в частности к сборнику «Римские деяния», является статья Е. Прохазковой;⁵⁵ чешская исследовательница касается «Повести о Василии Златовласом», «Повести о Брунцвике» и более подробно говорит о сборнике «Римские деяния». Автор ставит себе задачу показать на этих произведениях чешско-русские связи в XVII в.; вся работа построена на сопоставлении русских, чешских и польских текстов, выбранных в зна-

⁵⁴ Н. К. Гудзий. 1) К истории легенды о папе Григории. — ИОРЯС, 1914, кн. 4, стр. 217—256; 2) Новые редакции Повести о папе Григории, стр. 177—191.

⁵⁵ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství Kapitoly z česko-ruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959, стр. 98—131.